

ЭТОГО СЕЗОНА ЖДАЛИ, ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ. КРИЗИС ГРЯНУЛ РОВНО К ОСЕНИ, И ВРЕМЕНИ НА РАЗДУМЬЯ У ДИЗАЙНЕРОВ ОСТАВАЛОСЬ КАК РАЗ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СКОРРЕКТИРОВАТЬ ТАКТИКУ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ.

ДЕМОНСТРАЦИЯ СТОЙКОСТИ

ОЛЬГА МИХАЙЛОВСКАЯ

П

С

ПРЕССА и байеры прогнозировали всеобщее уныние и возврат к гранжу 90-х с его абсолютной эстетической беспринципностью и моральным упадничеством, с его застиранностью и помятостью, антигламурными лозунгами и ханжеским культом бедности.

Но все оказалось совсем по-другому. Дизайнеры показали, что умеют держать удар, а те, кто стоит за их спинами, — мыслить спокойно и трезво в поисках верной стратегии. Коллекции выглядели цельными и ясными, из них исчезли суета и ставшие уже привычными попытки заигрывания с прессой, а через прессу, разумеется, с покупателем. Дизайнеры воспевали силу духа, отказавшись от кокетливой женственности последних лет. А для этого использовали все имеющиеся под их дизайнерской рукой средства.

Сезон

ДИЗАЙНЕРЫ ВОСПЕЛИ СИЛУ ДУХА, ОТКАЗАВШИСЬ ОТ КОКЕТЛИВОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В первую очередь им на память, разумеется, пришли 40-е годы — когда же еще женщина была сильнее, как не в годы войны, когда ей пришлось без дураков и феминистского словоблудия о равенстве полов во многом заменить мужчину. Широкие плечи, цвет хаки, крупные накладные карманы, пристежные меховые воротнички, словно споротые со старенькой шубки. И конечно, двубортные жакеты и пальто-шинели, по-военному затянутые широким кожаным ремнем. Не тем поясом, который лишний раз подчеркивает талию, а тем, что грубо перехватывает жестковатую ткань, которая упрямо топорщится, недвусмысленно намекая на то, что времена маслено-мягких кашемиров остались в благополучном прошлом.

Отсюда недалеко и до 80-х, другой декады, воспевавшей сильную женщину. А 80-е, как известно, от души цитировали 40-е, впрочем, беспощадно огламуривая их. Сегодня, забрав из 80-х плечи, воротнички-хомуты и брюки-бананы, дизайнеры позволили себе вволю поиграть со стразами, блестками, переливающимся атласом и прочей дискотечной мишурой, что вызвало бурю возмущения в рядах прессы и было классифицировано как несознательное поведение, инфантилизм и пренебрежительное отношение к социальным катаклизмам.

Не обошлось и без бунтарских символов — кожа и всевозможные байкерские затеи пошли в ход. Но не те, овеванные романтическими ветрами кожанки Марлона Брандо, а скорее плечистые «косухи» образца все тех же 80-х. Особенно в сочетаниях с атласными юбками макси или, наоборот, с крошечным мини.

Впрочем, кожа как материальное воплощение выносливости и силы пошла даже на белье. А точнее, на те предметы, которые язык не поворачивается этим словом назвать, несмотря на внешнее сходство с лифчиками, корсетами и прочими трусами. С бельем вообще вышла некоторая путаница в этом сезоне. Редакторы по привычке окрестили все это «будуаром», однако при взгляде на литые кожаные бюстгальтеры, лифчики-топы, словно вырезанные и склеенные из плотной бумаги, преимущественно черного цвета последнее, что приходит на ум, это как раз будуарные радости, что бы под этим ни имелось в виду. Даже дежурные ассоциации с садомазо отступают перед графичной, почти готически-мрачной лаконичностью этих вещей. Даже телесно-розовый цвет не выглядит привычной телячьей нежностью, а скорее абстракцией, аллегорией человеческого тела.

От всей этой серо-черной графики и в самом деле недалеко до сумрачной готики, болезненная тяга к которой диагностируется, правда, уже далеко не первый сезон. Любимая геометрическая фигура — остроугольный треугольник, любимый цвет, разумеется, черный, любимые материалы — кожа и металл. В готике есть загадочная бесполость, аскетизм и прочие интеллектуальные составляющие, столь уместные в тяжелые времена. Ее мрачность и жесткость частенько приходятся впору. Вот и на этот раз пришлось. Потому что в готике, как и во всех прочих трендах этого сложного для всех сезона, есть сила, а это главное отличие нынешнего кризиса от предыдущего, который пришелся на середину 90-х.

Тогда все были подавлены и растеряны. Сил на сопротивление не было, да и призывов к нему не звучало. Дорогие вещи прикидывались старыми и заношенными, богатые люди косили под нищих интеллектуалов. Сегодня ситуация во многом честнее и здоровее. Мода пропагандирует силу духа и триумф воли, чего от нее, пострадавшей от кризиса едва ли не в первую очередь, никто не ожидал.